

Н. А. Гусакова,
канд. ист. наук
(БГУ им. В. И. Ленина)

ЧЕШСКИЙ ПЕРИОД ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. СКОРИНЫ

Замечательным памятником межславянских связей является издательская деятельность Ф. Скорины в Праге. В 1517—1519 гг. он издал в Праге ряд книг Ветхого Завета. Все исследователи признают, что одним из пособий для Ф. Скорины, которым он пользовался при обработке своих пражских изданий, была чешская Библия, выпущенная в Венеции в 1506 г. Однако вопрос о чешских пособиях Скорины еще окончательно не решен. Вполне логично предположить, что Скорина, избрав Прагу местом своей издательской деятельности, не мог ограничиться лишь новейшим для того времени изданием Библии, он, безусловно, познакомился с общим состоянием библейской традиции на чешском языке. Чешская лексика в изданиях Скорины давно стала предметом внимания ученых-филологов¹. Видный исследователь чешско-русских связей А. В. Флоровский считает, что Скорина воспринял известный круг чехизмов в свою

живую речь, что может быть объяснено как влияни
длительной и систематической работы над чешской Би
блей, так и живым его общением с чешской средой
время жизни в Праге. Вероятно, что общение начал
еще до выпуска книг и продолжалось несколько лет.

При исследовании вопроса о чешском периоде из
дательской деятельности Скорины неизбежно приходи
возвращаться к вопросу, почему он избрал именно Па
ву. А. В. Флоровский, подчеркивая чрезвычайную ист
орическую и культурную важность этого факта, счит
что еще не найден ответ, который бы устранил все сом
нения и был достаточно убедительным³.

Пражский эпизод — своеобразная загадка в жи
вотворческого книгоиздателя⁴. Известно, что Скорина
появляется в Праге в 1517 г. Это был человек уже хо
шо знакомый с западноевропейской культурной жизни
окончивший два университета (в Кракове и Падуе).
В августе 1517 г. был выпущен «Псалтырь» и зат
едва ли не каждый месяц, выходило по книге, значит,
ревод библейских книг был заранее подготовлен. Впо
вероятно, что эта подготовительная работа была сде
лана в Чехии, потому что именно чешские пособия испо
зовались Скориной.

О жизни Скорины в Праге не осталось следов в ак
тивном материале, и поэтому ученые высказывают разл
ные предположения и догадки. Понятно, что Скорина
один не мог осуществить такого предприятия, как пе
ревод библейских книг и их издание, с ним несомнен
должна была работать какая-то группа лиц. Нет до
казательств, которые бы указывали на связь Скорины с пра
жскими книгоиздателями.

Как уже отмечали исследователи, Скорина был
просто печатником, а издателем, ученым. Он сам упо
минает, что свой перевод Библии «приказал печатать ру
сскими словами». Вполне правдоподобно, что Библия
печаталась в одной из мастерских Праги, так как в
то время там печатались книги не только готическими и
латинскими шрифтами, но и восточным⁵. Скорина мог
избрать местом своей деятельности Венецию, где у него
в связи с учебой в Падуанском университете сохра
нились какие-то связи, или Краков, где в конце XV в. бы
ли изданы библейские книги, или, наконец, Нюрнберг,
имевший большие издательские возможности. Иссле

ватели выдвигают целый ряд предположений, объясняющих, почему Скорина избрал местом издания своих книг именно Прагу⁶. Наиболее убедительными можно считать два обстоятельства: во-первых, принятие Скориной чешской Библии 1506 г. за одно из руководств; во-вторых, учет общих технических возможностей издания книг в Праге. Не лишено оснований и предположение, что Скорину могла привлечь духовная близость этой страны, возможность иметь в Праге ту среду, которая отсутствовала бы, например, в неславянской Италии⁷.

Очень важным вопросом в плане нашего исследования является выяснение тех идейных мотивов, которые побудили Скорину начать свое дело в Чехии. В этом аспекте нам важно установить отношение Скорины к гусизму, влияние идей чешской реформации на его мировоззрение. Влияние гусизма на взгляды Скорины отмечали и историки XIX в. В современной историографии эта идея находит много приверженцев. В. И. Пичета считал, что Скорина скорее стоит на позициях революционного гуситского движения, чем индивидуалистического мировоззрения⁸. Современные историки отмечают созвучность идей таборитов и Скорины по вопросам равенства и распределения имущества в обществе⁹, а также формирование социальных взглядов книгоиздателя под влиянием учения «чешских братьев» и Петра Хельчицкого¹⁰. В современной чехословацкой литературе выдвинута даже более определенная точка зрения по этому вопросу. Г. Прохазкова в своей монографии обосновывает мысль, что слова Скорины «равная свобода всем, общее имение всех» перекликаются со взглядами таборитов, которые впервые в истории человечества приблизились к строительству общества равных, основанному на обобществлении средств производства. Автор считает, что гуситская революционная идеология только помогла белорусскому мыслителю сформулировать его смелые идеи о свободе и равенстве всех людей. По словам Г. Прохазковой, «в мировоззрении белорусского лекаря есть отзвуки идеологии революционного гуситского движения»¹¹.

Точку зрения Прохазковой подвергал критике А. В. Флоровский, который считал, что Ян Гус и Скорина стремились содействовать культурному развитию своих народов, являлись патриотами своего отечества и слу-

жили его интересам. Эти общие для Скорины и гуситов стремления являются, однако, «слишком общими, чтобы можно было утверждать об их заимствовании Скориной от Гуса и его последователей»¹². Флоровский считает, что версия о влиянии гусизма на деятельность Скорины не представляется сколько-нибудь обоснованной. Это не подтверждается, по его мнению, ни текстами скорининских изданий, ни его личными заявлениями¹³.

И все же нет никаких оснований отрицать преемственность идей и взглядов поколений. Даже те идеи, которые «носятся в воздухе», кем-то были сначала высказаны и кем-то потом усвоены. Тем более, это относится к тому случаю, когда мы абсолютно уверены в возможности близкого знакомства Скорины с наследием Яна Гуса. Не может служить аргументом, на наш взгляд, отсутствие личных высказываний о приверженности Скорины к гусизму. Если бы мы располагали, скажем, перепиской Скорины или отзывами о нем современников и не нашли там его отношения к гусизму, тогда были бы какие-то основания делать выводы. Не мог же Скорина в предисловии к библейским книгам говорить о Яне Гусе и таборитах (по целому ряду вполне ясных причин). Напрашивается сравнение с Томасом Мюнцером. Влияние взглядов таборитов на его мировоззрение скрупулезно доказано учеными, но Мюнцер никогда в своих проповедях, письмах и даже в «Пражском воззвании» не упоминает имени Яна Гуса и таборитов. Память о Скорине как носителя гуситских традиций сохранилась в сознании последующих поколений. «Гуситским еретиком» называл Скорину один из идеологов феодальной реакции XVII в. униатский архимандрит А. Сялява¹⁴.

Трудно допустить, чтобы Скорина, живший в Праге в течение нескольких лет, оставался в стороне от общественного движения, которое развернулось в это время в Чехии и в Европе. Нельзя представить себе пражский период его деятельности в полной изоляции. Недостаток сведений по данным вопросам не может умалить того факта, что Скорина работал ради просвещения своего народа. В этом смысле его связи с Чехией есть исключительной важности момент в истории белорусско-чешских взаимоотношений в области культуры, просвещения и письменности¹⁵. Логично предположить, что Скорина не думал ограничиться выпущенными книгами,

ведь у него был замысел «дать людям посполитым к доброму научению» полный текст «священного писания». В подтверждение этого говорит тот факт, что предисловие написано к полному изданию Библии, кроме того, в рукописной традиции имеются следы перевода Скориной и тех библейских книг, которые ему не удалось издать¹⁶. В исторической литературе высказывались предположения о возможности преследования Скорины в Чехии¹⁷. Существует версия о том, что причиной прекращения издательской деятельности явилась эпидемия 1520 г., заставившая его срочно уехать¹⁸.

Тот факт, что основатель белорусского книгопечатания начал свою издательскую деятельность в Праге, является одним из свидетельств общности и взаимотяготения белорусского и чешского народов.

¹ Булыка А. І. Чэшская лексіка ў выданнях Скарыны.— Вещи АН БССР. Серия грамадскіх навук, 1970, № 4, с. 124—131.

² Флоровский А. В. Чешская библия в истории русской культуры и письменности.— В кн.: Sbornik filologicky Ceske Akademie Ved.— Praha, 1946, N 12, s. 182 (на рус. яз.).

³ Флоровский А. В. Чешская библия..., с. 189.

⁴ Там же.

⁵ Мыльניкаў А. С. Ф. Скарына і чэшскае кнігадрукаванне.— В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с. 189.

⁶ Флоровский А. В. Чешская библия..., с. 193.

⁷ Мыльникау А. С. Ф. Скарына і чэшскае кнігадрукаванне, с. 188.

⁸ Пичета В. П. Скориниана.— В кн.: Белоруссия и Литва XV—XVI вв. Минск, 1961, с. 650.

⁹ Korysski L., Cepko V. Ohlas husitství na Bile Růsi.— In: Mezinárodní ohlas husitství.— Praha, 1958, s. 108.

¹⁰ Алексютовіч М. А. Скарына, яго дзейнасць і светапогляд.— Мінск, 1958, с. 17.

¹¹ Prochazkova H. Po stopach davneho prateľstvi.— Praha, 1959, s. 35—36.

¹² Florovskij A. Рецензия на кн.: Prochazkova H. Po stopach davneho prateľstvi.— Slavia. Casopis pro slovenskou filologii. Praha, 1960, N 3, s. 489—495 (на рус. яз.).

¹³ Флоровский А. В. Skoriniana.— В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання, с. 421.

¹⁴ Подокшин С. А. Русізм і грамадскі рух Беларусі і Літвы XV—XVII ст.— В кн.: 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск, 1968, с. 73.

¹⁵ Флоровский А. В. Чешская библия..., с. 208.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Prochazkova H. Op. cit., s. 35.

¹⁸ Мыльникау А. С. Ф. Скарына і чэшскае кнігадрукаванне, с. 192.